

Муратова Елена Георгиевна

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ГОРСКОЙ ОБЩИНЫ XIX ВЕКА

Статья подводит некоторые историографические итоги изучения северокавказской общины XIX века в отечественном кавказоведении. Автор дает обобщенную характеристику балкарской общины - основной социальной единицы этнического социума, в рамках которого обеспечивалась вся полнота его экономических, социокультурных и политико-административных функций до начала XX века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/1-2/35.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 141-144. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

21. Смирнов П. С. Иоаким, патриарх Московский. М., 1881. 85 с.
22. **Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел.** М., 1828. Ч. IV. 678 с.
23. Соловьева Т. Б. Церковное управление в России и государственные проекты его реорганизации 1681-1682 гг. // Государственные учреждения России XVI–XVII вв. М., 1991. С. 37-48.
24. Субботин Н. И. Дело патриарха Никона: историческое исследование по поводу XI тома «Истории России» проф. Соловьева. М., 1862. 253 с.
25. Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. 384 с.

HIERODEACON THEODOSIUS'S ROLE IN PATRIARCH NIKON'S "CASE"

Nataliya Gennad'evna Mozgunova
Department of Russian History
Moscow State Pedagogical University
fevroniya87@yandex.ru

The author studies the participation of senior clergy's opposition-minded part in Patriarch Nikon's "case" formation, and pays special attention to the materials of hierodeacon Theodosius's investigative cases.

Key words and phrases: Patriarch Nikon's case; exile; hierodeacon Theodosius; Don Cossacks; spiritual father of S. Razin; opposition.

УДК 93(470.6)

Статья подводит некоторые историографические итоги изучения северокавказской общины XIX века в отечественном кавказоведении. Автор дает обобщенную характеристику балкарской общины - основной социальной единицы этнического социума, в рамках которого обеспечивалась вся полнота его экономических, социокультурных и политико-административных функций до начала XX века.

Ключевые слова и фразы: историография; горская община; общественное устройство; Северный Кавказ; Балкария; XIX век.

Елена Георгиевна Муратова, д.и.н.
Кафедра истории России
Кабардино-Балкарский государственный университет
lena_gm@mail.ru

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ГОРСКОЙ ОБЩИНЫ XIX ВЕКА[©]

Общественное устройство горцев Северного Кавказа уже на раннем этапе изучения региона вызывало пристальный интерес исследователей. По оценке специалистов, теоретический уровень ученых XIX века был сравнительно высок, многие из них представляли общину в универсально-историческом плане. М. О. Косвен считал, что уже в начале 1840-х гг. русская наука вплотную подошла на Кавказе к проблеме родового строя и соседской общины [4, с. 209]. В труде С. М. Броневского «Новейшие географические и исторические известия на Кавказе» вся предшествующая русская историография общественного строя на Кавказе получила обобщение, а сама проблема – глубокую разработку. С. М. Броневский, согласно М. О. Косвену, дал первую в истории характеристику общественного строя в этом регионе: «Крестьяне... или коренные жители Кавказа есть многолюднейшее и полезнейшее сословие... Они не привязаны к земле, а принадлежат дворянам и князьям наследственно, на некоторых условиях, и только потому не могут называться вольными хлебопашцами, что суд и расправа и земская полиция находятся в руках у помещиков. Однако в случае явного притеснения, наипаче у горских народов, крестьяне разбираются с помещиком своим третейским судом, призывая для сего посторонних князей и дворян, также приглашают в важных делах для совета народных старшин...» [1, с. 48].

Историографию проблемы горской общины нельзя рассматривать вне общероссийской теоретической мысли. На середину XIX в. приходится возникновение многочисленных общинных теорий. Это связано с общественно-политической борьбой того времени. Политические взгляды потребовали исторического обоснования происхождения сельской общины, изучения ее взаимоотношений с государственной властью, определения роли и значения общины в жизни крестьян. Однако эти вопросы ставились и решались исключительно на русском материале.

Своего рода толчком к дискуссии между западниками и славянофилами послужили исследования А. Гакстгаузена, который, как говорили, «открыл» крестьянскую общину в России. Его путевые впечатления

о семейном и общественном быте «народов, обитающих между Черным и Каспийским морями», нашли свое отражение в книге «Закавказский край», изданной на русском языке в 1857 г. А. Гакстгаузен увидел и описал кавказскую общину, определил ее роль в землевладении и землепользовании, показал мирское самоуправление и фискальный характер этой организации. «Границы общин между собою, равно как отдельных полей, обозначены старыми межевыми камнями, дороги ведут к отдельным полям, каждый участок принадлежит к определенному двору, везде существуют сторожа... При хлебопашестве везде существуют старинные права и обычаи, образовавшиеся из общественной жизни», – писал он [2, с. 68, 71]. Описанная А. Гакстгаузенем грузинская община типологически близка северокавказской горской общине.

В конце 80-х гг. XIX в. С. А. Егиазаров, отмечая, что русская земельная община изучена довольно обстоятельно, задался целью изучить сельскую организацию в Закавказье [3]. Он рассмотрел генезис общинной организации, ее сословный характер, органы суда и управления, а также проследил изменения, которые имели место в общине в пореформенный период. С. А. Егиазаров одним из первых указал, что кавказская сельская община состояла из разнородных общественных элементов, и это придавало ей вссословный характер. Это работа предоставляет исследователям обширный сравнительный материал.

После включения Северного Кавказа в состав Российской империи перед властями стала задача административного управления краем, что привело к интенсивному изучению обычного права горцев. Профессор Одесского университета Ф. И. Леонтович в 1882 г. не только опубликовал собрание записей кавказских адатов, но и предпринял попытку анализа собранного материала. Он сделал вывод о том, что в деле кровомщения, уплаты виры и вообще в деле ответственности и поруки по преступлениям адат требует деятельности не общины, а по-прежнему одного лишь рода: «Круговая порука определяется не мирским началом, не общинным землевладением, но исключительно единством “крови”, кровным родством. В том случае части одной и той же общины, принадлежавшие различным родам, тянули в разные стороны, не были связаны общим интересом». Ф. И. Леонтович полагал, что горская община не оказала существенного влияния на сословные отношения своих членов, и то деление, которое в ней существовало, выработано еще старым родом и сохраняло патриархальную рознь и военно-дисциплинарные отношения. Таким образом, Ф. И. Леонтович считал, что в 40-х гг. XIX в. горская община представляла собой «переходную форму от кочевого быта к организованной территориальной общине» и, что современная ему община не сделала большого прогресса: «Она оставалась в существенных чертах такою же, какою была назад тому четыре десятилетия» [5, с. 408]. Этот взгляд был воспринят многими последующими авторами, придерживающимися теории родового быта горцев Северного Кавказа.

Пожалуй, очерк Ф. Щербины, опубликованный в «Северном вестнике» в 1886 году, – единственная в дореволюционной историографии работа обобщающего характера об общинной организации горцев. Этот исследователь обратил внимание на то, что, несмотря на огромный интерес к проблеме общины, столичная печать ни разу не заикнулась об общине у «кавказских инородцев». Между тем как в местной печати можно было найти немало интересного материала по этому предмету. Ф. Щербина, как и большинство исследователей того времени, несколько архаизировал общественные отношения северокавказских народов и определял соседскую, территориальную общину горцев как родовую. «Исследователи, трудами которых мы пользуемся, – писал Ф. Щербина, – находят кавказскую общину в период родового развития. Родовой быт царил повсеместно между горскими племенами, родовая община служила наиболее типичной формой этого быта. Экономическая жизнь держалась на общинном землевладении, родовой быт поддерживался родовой связью между членами одного и того же рода, связью, наиболее сильным выражением которой служила кровная месть» [8, с. 131].

По его мнению, возникновение и развитие общинных союзов совершалось преимущественно самобытным путем, на основе обычая свободной заимки, который представлялся Ф. Щербине характерной чертой земельной общины у кавказских горцев. Позже обычай вольной заимки общинных земель уступил место известным ограничениям и дележу, и ничем неограниченное хозяйничанье отдельных предпринимателей заменилось контролем общины, выразившимся в установлении обычаев для ограждения интересов всей общины [Там же, с. 138]. Важно то, что автор рассматривает развитие кавказской общины в универсально-историческом плане. В заключение Ф. Щербина приходит к выводу, что «между кавказскою общиною и общинами других народов не существует никакого различия. Отличие ее заключается, прежде всего, в известной стадии развития и затем в тех особенностях, которые были следствием местных естественных и исторических условий. Кавказская община примитивнее, например, общины русской» [Там же, с. 162].

Основные положения о горской общине, сформулированные учеными XIX в., получили свое развитие в отечественной историографии XX столетия. В 1960-80-х годах были составлены достаточно полные историко-этнографические описания общины практически всех народов Северного Кавказа. Р. Л. Харадзе исследовала село-общинный быт горных ингушей; А. Х. Магомедов – сельскую общину у осетин; Э. Л. Коджесау и В. Х. Кажаров – у адыгов; В. П. Невская и Т. А. Невская – у карачаевцев; З. И. Хасбулатова – у чеченцев; Е. Н. Данилова – у абазин; Ю. Ю. Карпов – у горных чеченцев и ингушей; Б. Р. Рагимова – у самурских лезгин; М. А. Агларов – сельскую общину в нагорном Дагестане. Изучение локальных моделей северокавказской общины велось в широком теоретическом контексте, а также на фоне серьезных исследований по истории русской общины и многочисленных историографических обобщений по этой проблеме.

Успехи советской исторической науки в исследовании северокавказской общины позволили В. П. Невской наметить основные типы соседской общины, показать специфику и общие закономерности развития

общины в феодализирующихся горских обществах Северного Кавказа, а также определить основные перспективные направления в изучении этого института. Среди них – генезис сельской общины, ее экономическая основа, социальная стратификация, землевладение и землепользование, трансформация общины под воздействием развития феодальных отношений, перемены в общинном строе в пореформенный период [7].

Наше исследование истории Балкарии XVII - начала XX в. [6] сквозь призму горской общины – основной социальной единицы этнического социума – привело к следующим обобщениям.

Фундаментальной предпосылкой формирования специфического уклада хозяйственной и общественной жизни традиционной Балкарии являлись ее природно-климатические и территориально-демографические характеристики. Суровые природно-климатические условия и географическая изоляция во многом определили морфологическую структуру, социокультурный облик и хозяйственный тип балкарских общин XVII-XIX вв., наложили зримый отпечаток на характер, темпы и направление их этнополитического развития. Балкарские общества складывались в определенной экологической нише – в труднодоступных ущельях на северных склонах центральной части Главного Кавказского хребта. Вековой опыт ведения скотоводческого хозяйства, приспособления к центрально-кавказскому высокогорью привел к высокому уровню специализации и наиболее целесообразному в этих условиях отгонно-пастбищному скотоводству, которое являлось ведущей отраслью хозяйства. Исходя из комплексного характера хозяйственно-культурного типа, можно характеризовать балкарское общество как общину оседлых скотоводов-земледельцев, ведущей отраслью хозяйства которых было альпийское скотоводство и связанная с ним система жизнеобеспечения.

Созданная деятельностью всего населения хозяйственная среда: хуторная система, террасирование полей, нормативное регулирование хозяйственной деятельности и водопользования – имела структурообразующее воздействие на саму горскую общину. Экономической основой балкарских обществ, помимо общинного землевладения на некоторые земельные угодья, была и частная собственность горцев на пахотные и покосные участки при наличии их верховной собственности на всю занимаемую территорию.

Ограниченное пространство горных теснин определяло территорию, поддерживало политическую общность немногочисленного населения, устанавливало четкое разделение «внутреннего» и «внешнего». Обозначившаяся политическая консолидация на общинных началах способствовала длительному сохранению властных полномочий общественного самоуправления с достаточно эффективно действовавшей защитной функцией общин в отношении основной массы населения в условиях роста имущественного и социального неравенства. Регулирование хозяйственно-экономических и сословно-правовых отношений в традиционном балкарском обществе проходило на основе адатных норм. При этом представители владельческого сословия, являвшиеся носителями общественной власти, оставались такими же объектами обычного права, что и рядовые горцы.

Говорить об организованных системах власти (т.е. потестарно-политических структурах) можно применительно к отдельным балкарским обществам. Именно здесь был сосредоточен весь набор традиционных органов самоуправления, таких как народное собрание, совет старейшин, система различных судов, институт княжеской власти. Определение границ территории, которую осваивало население, обеспечение защиты этой территории от нашествия врагов и притязаний соседей, установление норм, регулирующих общественную и хозяйственную жизнь самой общины, решение судебных споров и т.п. – все это являлось функцией указанных выше институтов общинной власти.

Но сводить традиционное балкарское общество только к общине было бы неправомерно. Будучи фактором более высокого порядка, этническая общность населения всех балкарских обществ обеспечивала поддержание устойчивых социальных, хозяйственных и политических отношений межобщинного и надобщинного уровня (родства, хозяйственного обмена, военных союзов). С другой стороны, нельзя забывать, что речь здесь идет не о родовой или соседской (крестьянской) общине, а об иерархическом, стратифицированном, сословно-классовом обществе, в котором систему властных отношений следует характеризовать как позднепотестарную или предполитическую.

Рассмотрение балкарских обществ XVII – начала XX в. как целостных социальных образований выдвигает на первый план сложность их структуры, многоукладность и неоднозначность социальных форм, имеющих различное происхождение. Общественная организация балкарцев объединяла различные семейно-родственные группы, сложно дифференцированные по своему сословному и имущественному статусу социальные слои и различного рода половозрастные корпоративные структуры, связанные с обменом деятельностью. Это хитросплетение различных связей превращало общину в живой динамичный организм и объясняло особую противоречивость происходивших в ней процессов.

Дуализм горской общины, существование в ней частновладельческого и общинного начал, давал ей значительные возможности для эволюции. Борьба этих двух начал не означала процесса неуклонной победы частновладельческого начала над общинным. Одни социальные факторы – развитие индивидуальной зависимости и эксплуатации, товарных отношений, захват общинных угодий, сословная реформа и образование новых сел – действовали в направлении разложения общины; другие, часто разнородные – необходимость обороны, совместный режим водо- и землепользования, обусловленный хозяйственно-культурным типом, заинтересованность в общине как в органе местного управления, искусственное закрепление общинных структур в результате административной политики – способствовали ее сохранению. Поэтому иногда тенденция разложения сменялась тенденцией упрочения общинных структур.

Влияние исторической среды стимулировало тот или иной полюс внутреннего дуализма горской общины. В обоих случаях община трансформировалась в качественно новое состояние, причем направление

эволюции зависело не столько от специфики ее строя, сколько от особенностей структуры социального организма, частью которого она являлась. Сельская община прошла длительную модернизацию, претерпела значительные изменения, потеряла черты своего патриархального демократизма, но все же сохранилась как важнейшая организация общественной жизни балкарцев и к началу XX в.

На протяжении же XIX века горская община приобретала все более «открытый», «разомкнутый» характер. Общество как бы выходило за пределы локальной общины, приобретая собственный социальный масштаб, соответствующий этническим границам. Более точный поиск той грани, за которой социальная история должна превратиться в историю общества, представляется важной задачей изучения истории Балкарии XX века.

Список литературы

1. **Броневский С. М.** Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. 352 с.
2. **Гакстгаузен А.** Закавказский край: заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями: в 2-х ч. СПб., 1857. Ч. 1. 215 с.
3. **Егиазаров С. А.** Исследования по истории учреждений в Закавказье. Казань: Типография Императорского университета, 1889. Ч. 1. Сельская община. 336 с.
4. **Косвен М. О.** Этнография и история Кавказа: исследования и материалы. М.: Вост. лит., 1961. 259 с.
5. **Леонтович Ф. И.** Адамы кавказских горцев: материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882. Вып. 1. 439 с.
6. **Муратова Е. Г.** Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. Нальчик: Эль-фа, 2007. 420 с.
7. **Невская В. П.** Проблемы сельской общины у горских народов Северного Кавказа в советском кавказоведении // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы: общественные науки. 1985. № 1. С. 41-47.
8. **Щербина Ф.** Общинный быт и землевладение у кавказских горцев // Северный вестник. 1886. № 1. С. 124-165.

HISTORIOGRAPHICAL RESEARCH RESULTS OF MOUNTAIN COMMUNITY OF THE XIXTH CENTURY

Elena Georgievna Muratova, Doctor in History
Department of Russian History
Kabardino-Balkaria State University
lena_gm@mail.ru

The author summarizes some historiographical research results of the North Caucasian community of the XIXth century in native Caucasian studies, gives the generalized characteristics of Balkar community – the basic social unit of the ethnic socium, within which the completeness of its economic, social-cultural and political-administrative functions was ensured before the beginning of the XXth century.

Key words and phrases: historiography; mountain community; social structure; North Caucasus; Balkaria; the XIXth century.

УДК 001.811:504.03

В статье рассматривается проблема изучения в социальной философии экологических проблем в аксиологическом смысле. Данное направление дополняется также рассмотрением политического, экономического, нравственного аспектов указанной проблемы. Обосновывается мысль о том, что формирование экологического самосознания выходит в общественном сознании на первый план, в том числе и с точки зрения гуманитарного подхода к проблеме.

Ключевые слова и фразы: социальная философия; экологические проблемы; степень исследованности.

Сардар Максим оглу Мустафаев, к. филос. н.
Отдел глобализации и философских проблем информационного общества
Институт философии, социологии и права
Национальная академия наук Азербайджана, г. Баку
q.abbasova@mail.ru

РЕШЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ[©]

Исследование и разработка философских проблем естествознания имеют давнюю традицию. Известно, что предмет и основные концепции современной философии науки рассматриваются в трех аспектах существования науки: наука как генерация нового знания, как социальный институт, как особая сфера культуры. В этом смысле предметом рассмотрения социальной философии становятся такие проблемы как естественные науки и культура, естествознание и развитие техники, естествознание и социальная жизнь общества и т.д. Экология, являясь одной из общих наук, наряду с общей теорией систем и глобалистикой, также включает в